

ТЕОРИЯ ЭКСТРАОРДИНАРНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Магомед Резванович Богатырев, канд. юрид. наук,
заведующий кафедрой «Юриспруденция»,
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический
университет имени академика М. Д. Миллионщикова», Грозный, Россия;
m.boghatyriov@mail.ru

Исследованы становление и развитие теории экстраординарного правового регулирования в советский период. На основе анализа ключевых правовых доктрин рассмотрены представления о праве как инструменте классово-борьбы, особенности революционной и социалистической законности, а также об институтах, обеспечивающих чрезвычайные меры. Освещаются взгляды П. И. Стучки, Е. Б. Пашуканиса, А. Я. Вышинского и других советских правоведов на соотношение права и чрезвычайного принуждения. Доказано, что правовая мысль эволюционировала от нигилистического отношения к закону к признанию необходимости формального правопорядка даже при применении экстраординарных мер. Приведен вывод о том, что несмотря на идеологизированность советского правоведения, его вклад в развитие понятийного аппарата и методов анализа экстраординарного правового регулирования оказался значительным и послужил основой для дальнейшего теоретического осмысления данного феномена в постсоветский период.

Ключевые слова: экстраординарное правовое регулирование; чрезвычайные меры; революционная законность; социалистическая законность; правовой режим; советское право.

Введение

Изучение экстраординарного правового регулирования в отечественной правовой науке требует всестороннего анализа его историко-теоретических оснований. Одним из ключевых этапов в становлении данной теории стал советский период, когда представления о праве формировались в рамках марксистско-ленинской идеологии и революционного правосознания. В условиях становления и укрепления социалистического государства экстраординарные меры приобрели легитимацию как инструменты защиты революционных завоеваний, а нормативная система претерпела трансформацию в сторону признания «революционной целесообразности», превалирующей над формальной законностью.

В советский период теория экстраординарного правового регулирования, базировавшаяся на марксистской теории государства и права, обогатила свой понятийный аппарат понятиями революционной диктатуры

пролетариата. В июле 1918 года, выступая на V Всероссийском съезде Советов, Ленин заявил: «...плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется» [1, с. 504]. Ленин откровенно называл революционную диктатуру властью, не ограниченной законом, подчеркивая тем самым легитимность революционного беззакония против угнетателей: «Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами» [2, с. 245].

Эта установка отражала примат революционной целесообразности над формальной законностью; деяния во благо революции считались оправданными и неподсудными, даже если они противоречили нормам права. Например, принцип равенства перед законом в первые годы Советской власти был объявлен «буржуазным предрассудком» и отвергнут, поскольку мешал ведению классовой борьбы. Диктатура пролетариата рассматривалась как переходный режим, в котором государственное принуждение еще необходимо, хотя и в иных формах, чем при капитализме.

Таким образом, теоретический фундамент теории экстраординарного правового регулирования в советский период основывался на представлениях о классовой природе права, разрыве преемственности с буржуазными законами, революционной законности, чрезвычайных полномочиях революционной власти и идее отмирания государства и права по мере исчезновения классов.

Основная часть

Одним из основоположников советской правовой науки был первый нарком юстиции РСФСР и автор программных работ П. И. Стучка, разработавший марксистское определение права как систему (или порядок) общественных отношений, соответствующую интересам господствующего класса и охраняемую его организованной силой [3]. Он писал, что социалистическое право на ранней стадии представляет собой «право-направление» – совокупность мер, целесообразных для защиты революции; постепенно оно оформляется в «право-систему», то есть целостный комплекс норм, отражающих интересы трудящихся. Следовательно, на ранних этапах становления социалистического права оправданно его обеспечение чрезвычайными мерами.

В свою очередь, Е. Б. Пашуканис в работе «Общая теория права и марксизм» утверждал, что право, возникшее из товарно-денежных отношений, при социализме должно постепенно исчезнуть [4]. В практическом плане эта теория означала нигилистическое отношение к праву как к пережитку буржуазного прошлого и юридическим процедурам в противовес революционной целесообразности. Е. Б. Пашуканис, будучи заместителем наркома юстиции и основателем государственной школы права, являлся влиятельной фигурой в советской юриспруденции 1920-х гг. Он ратовал за концепцию, согласно которой уголовное преследование контрреволюционных элементов должно рассматриваться как админист-

ративно-политическая репрессия. Эта логика легла в основу, например, института внесудебных «троек» ОГПУ, выведенного за границы действия права в сферу деятельности чрезвычайных органов.

Столь радикальная позиция вызывала у некоторых ученых того периода обоснованную критику. Так, М. А. Рейснер предостерегал от полного растворения права в политике. Признавая необходимость чрезвычайных мер, он тем не менее полагал, что революционное правосознание должно стремиться к стабильным формам [5].

Вместе с тем преобладали взгляды, допускающие широкое использование чрезвычайных мер в системе правового регулирования. Н. В. Крыленко, сменивший П. И. Стучку на должности Наркома юстиции, прямо заявлял, что советская власть должна ставить классовые интересы выше формальных норм. Он попытался сформулировать определение социалистической законности по формуле: «всё, что служит делу социализма, является законным» [6]. По его мнению, при вынесении приговора решающую роль должны играть политические соображения, а не уголовная вина или невиновность; в условиях социализма не нужны вещественные доказательства и точные определения преступлений – достаточно политического решения [6].

Начало 30-х годов XX века ознаменовалось коренным пересмотром советской правовой доктрины. С переходом к форсированной индустриализации партия взяла курс на укрепление государственного аппарата и порядка, что требовало отказа от концепции «юридического нигилизма». На теоретическом фронте произошел разгром так называемой «левой уклонной» школы права, ассоциируемой с Е. Б. Пашуканисом. В 1937 году Е. Б. Пашуканис, Н. В. Крыленко и ряд их сторонников были арестованы и расстреляны как «враги народа», а их идеи о скором отмирании права были объявлены вредными.

На их смену пришла новая официальная доктрина, связанная, прежде всего, с именем А. Я. Вышинского, Генерального прокурора СССР и ведущего правоведа сталинской эпохи. Его труд «Вопросы теории государства и права» [7] и учебники под его редакцией содержат определение социалистического права, ставшее каноническим для всего периода существования советского государства и права.

Применительно к чрезвычайным мерам А. Я. Вышинский выступил с резкой критикой «антиправовых» тенденций предшествующего периода и называл их проявлением «троцкистско-анархических извращений». Им был провозглашен принцип о необходимости укрепления законности и правопорядка для строительства социализма. А. Я. Вышинский ссылаясь на заявления И. В. Сталина о том, что с построением социализма классовая борьба обостряется, а значит, государственное принуждение нужно усиливать, а не ослаблять. Советская правовая доктрина исходила из того, что в период острой классовой борьбы чрезвычайные репрессивные меры становятся частью революционной законности. Однако менялся подход к ее определению: если в 20-е гг. революционная законность подменялась целесообразностью и противопоставлялась законности вообще, то в 1930-е гг. на первый план выходит социалистическая законность – продолжение революционной законности, направленная на защиту революци-

онных достижений [8]. Таким образом, понятием социалистической законности оправдывались любые чрезвычайные меры, если они были направлены на защиту социализма. Советская юридическая наука 30–40-х гг. XX века описывала СССР как страну строгой законности, умалчивая о секретных решениях партийных органов, не имеющих формального статуса закона.

Однако несмотря на эти изъяны, следует подчеркнуть, что правовая концепция А. Я. Вышинского внесла вклад в развитие теории правового регулирования и ее элементов – правовых норм, системы законодательства, правоприменения и правоприменительного процесса. В 1930-е гг., благодаря научным разработкам, были приняты нормативные акты, устанавливающие военное положение, комендантский час и т.д. В юридической литературе военных лет чрезвычайные меры рассматривались как законные особые полномочия, вытекающие из статей Конституции СССР о защите Отечества.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что в 30-40-е гг. XX века в отечественной юридической науке путем эволюции от революционной до социалистической сложилось понятие законности, характерное для всего советского периода, под которой понимался режим строгого исполнения законов, издаваемых социалистическим государством. Экстраординарные меры (включая террор) были формально «вписаны» в рамки законности, поскольку оформлялись правовыми актами и имели особый правовой характер.

В 50-е гг. XX века в теории права особое внимание уделялось проблематике гарантий и принципов законности, прав граждан и строгого соблюдения правовых процедур. Признавалось, что в 1930-1940-е гг. имели место массовые нарушения социалистической законности, но они связывались со злоупотреблениями отдельных лиц. Тематика экстраординарного правового регулирования (применения чрезвычайных мер и особых правовых режимов) как отдельного направления отошла на второй план.

На практике, действительно, вплоть до конца 1980-х гг. в СССР чрезвычайное положение внутри страны официально не вводилось, поэтому данная проблематика освещалась эпизодически, преимущественно в историческом и сравнительно-правовом аспекте. В качестве примера можно привести статью А. А. Жданова «Чрезвычайное положение» по административному праву империалистических государств», опубликованную в 1965 г., где анализировались правовые механизмы чрезвычайного положения в странах Запада [9]. А. А. Жданов писал о режиме чрезвычайного положения в буржуазных странах буквально следующее: «Формально эта мера носит административно-правовой характер, а на деле ее применение нередко открывает возможности широкого внеправового принуждения народных масс. Законодательство о чрезвычайном положении позволяет монополистическому капиталу осуществлять открытое военное подавление трудящихся классов, выступающих против капиталистов и буржуазного государства» [9, с. 42].

Таким образом, советские авторы изучали опыт Франции, ФРГ, США, преимущественно отмечая его репрессивный характер, однако подобные

исследования носили сугубо теоретический интерес, поскольку формализованные чрезвычайные институты в СССР официально отсутствовали.

Вместе с тем параллельно продолжалось общетеоретическое осмысление правового регулирования, его механизма и правовых режимов. В 1966 году появляется монография С. С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве», посвященная рассмотрению права как целостной системы, включающей нормы права, правоотношения, акты реализации права и т.д. [10]. Особое внимание ученый уделил проблематике правовых режимов (режимов правового регулирования, как они были названы первоначально) как особого порядка действия права, который складывался путем определенного сочетания методов (дозволения, запреты, обязывания и т.д.). И хотя нельзя сказать, что С. С. Алексеевым напрямую были затронуты вопросы экстраординарных правовых режимов, его научные взгляды оказали существенное влияние на формирование понятийного аппарата и методологии теории экстраординарного правового регулирования.

В 1987 году В. Б. Исаков осуществил классификацию правовых режимов и выделил среди их видов специальные режимы для особых ситуаций [11].

Настоящий же всплеск научного интереса к экстраординарному правовому регулированию произошел с началом перестройки и особенно после 1991 года, когда возникла объективная потребность осмысления нового законодательства и его соответствия жизненным реалиям (и данный вопрос требует отдельного обстоятельного исследования – *прим. авт.*).

Заключение

Подводя итог рассмотрения вопроса об истории становления и развития теории экстраординарного правового регулирования, хотелось бы еще раз подчеркнуть вклад предыдущих исследований (концепция, доктрины и т.д.) в ее современное воплощение. Проведенный анализ показал, что история научной мысли об экстраординарном правовом регулировании в России прошла длительный и противоречивый путь. Советский этап развития отечественного правоведения, несмотря на свою идеологизированность, обогатил теорию экстраординарного правового регулирования понятийно-методологическим инструментарием и продемонстрировал практические последствия игнорирования юридических норм. Опыт этого периода стал необходимым условием для формирования в постсоветское время концепции легитимного и конституционно допустимого экстраординарного правового регулирования.

Список литературы

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – Т. 36. – 740 с.
2. Ленин, В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1969. – Т. 37. – Июль 1918 – март 1919. – С. 235 – 331.

3. Стучка, П. И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве / П. И. Стучка. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Москва : Соцакадемия, 1923. – 153 с.
4. Пашуканис, Е. Б. Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий) / Е. Б. Пашуканис. – Москва : [б. и.], 1924. – 160 с.
5. Рейснер, М. А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право / М. А. Рейснер. – Ленинград ; Москва : Госиздат, 1925. – 276 с.
6. Крыленко, Н. В. Что такое революционная законность / Н. В. Крыленко. – Москва ; Ленинград : Московский рабочий, 1927. – 46 с.
7. Вышинский, А. Я. Вопросы теории государства и права / А. Я. Вышинский. – 2-е изд. – Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. – 424 с.
8. Вышинский, А. Я. Революционная законность на современном этапе: к XV годовщине Октябрьской революции / А. Я. Вышинский. – Москва : Советское законодательство, 1932. – 104 с.
9. Жданов, А. А. «Чрезвычайное положение» по административному праву империалистических государств / А. А. Жданов // Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 42–50.
10. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – 2-е изд. – Екатеринбург : Автограф, 2018. – 190 с.
11. Исаков, В. Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы / В. Б. Исаков // В кн.: Проблемы теории государства и права : учебник для вузов / С. С. Алексеев, И. Я. Дюрягин, В. Б. Исаков [и др.] ; под ред. С. С. Алексеева. – Москва : Юрид. лит., 1987. – С. 245–267.

References

1. Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works], Moscow: Politizdat, 1969, vol. 36, 740 p. (In Russ.)
2. Lenin V.I. [The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky], In book: *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works], Moscow: Politizdat, 1969, vol. 37, pp. 235-331. (In Russ.)
3. Stuchka P.I. *Revolutsionnaya rol' prava i gosudarstva: obshcheye ucheniye o prave* [The Revolutionary Role of Law and the State: General Doctrine of Law], Moscow Sotsakademiya, 1923, 153 p. (In Russ.)
4. Pashukanis Ye.B. *Obshchaya teoriya prava i marksizm (Opyt kritiki osnovnykh yuridicheskikh ponyatiy)* [General Theory of Law and Marxism (An Essay on the Critique of Basic Legal Concepts)], Moscow: [n. p.], 1924, 160 p. (In Russ.)
5. Reysner M.A. *Pravo: Nashe pravo. Chuzhoye pravo. Obshcheye pravo* [Law: Our Law. Someone Else's Law. Common Law], Leningrad; Moscow: Gosizdat, 1925, 276 p. (In Russ.)
6. Krylenko N.V. *Chto takoye revolyutsionnaya zakonnost'* [What is Revolutionary Legality], Moscow; Leningrad: Moskovskiy rabochiy, 1927, 46 p. (In Russ.)
7. Vyshinskiy A.Ya. *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Questions of the Theory of State and Law], Moscow: Gos. izdatel'stvo yurid. lit., 1949, 424 p. (In Russ.)
8. Vyshinskiy A.Ya. *Revolutsionnaya zakonnost' na sovremennom etape: k XV godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii* [Revolutionary Legality at the Current Stage: on the 15th Anniversary of the October Revolution], Moscow: Sovetskoye zakonodatel'stvo, 1932, 104 p. (In Russ.)
9. Zhdanov A.A. ["State of Emergency" under the Administrative Law of Imperialist States], *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 1965, no. 1, pp. 42-50. (In Russ.)

10. Alekseyev S.S. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve* [The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State], Yekaterinburg: Avtograf, 2018, 190 p. (In Russ.)

11. Isakov V.B. [The mechanism of legal regulation and legal regimes], In book: Alekseyev S.S., Dyuryagin I.Ya., Isakov V.B. [et al.] *Problemy teorii gosudarstva i prava : uchebnik dlya vuzov* [Problems of the Theory of State and Law: a textbook for universities], Moscow: Yurid. lit., 1987, pp. 245-267. (In Russ.)

The Theory of Extraordinary Legal Regulation in the Soviet Period

M. R. Boghatyriov, Cand. Sci. (Law),
Head of the Department of Jurisprudence,
Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, Grozny, Russia;
m.boghatyriov@mail.ru

The article explores the formation and development of the theory of extraordinary legal regulation during the Soviet period. Based on the analysis of key legal doctrines, it examines the understanding of law as an instrument of class struggle, the specifics of revolutionary and socialist legality, and institutions ensuring emergency measures. The views of P.I. Stuchka, E.B. Pashukanis, A.Ya. Vyshinsky and other Soviet legal theorists on the relationship between law and extraordinary coercion are highlighted. It is shown how legal thought evolved from a nihilistic attitude toward law to the recognition of the necessity of formal legal order, even in the application of extraordinary measures. The author concludes that despite the ideological bias of Soviet legal science, its contribution to the conceptual and methodological foundations of extraordinary legal regulation was significant and laid the groundwork for further theoretical development in the post-Soviet period.

Keywords: extraordinary legal regulation; emergency measures; revolutionary legality; socialist legality; legal regime; Soviet law.

© М. Р. Богатырев, 2026

Статья поступила в редакцию 04.11.2025

При цитировании использовать:

Богатырев М. Р. Теория экстраординарного правового регулирования в советский период // Право: история и современность. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 007 – 013. doi: 10.17277/pravo.2026.01.pp.007-013